

Священник Штефан Липке

Признание анафоры Аддая и Мари католической церковью в 2001 году: богословский вклад и главные аргументы архимандрита Роберта Тафта

Статья посвящена роли архим. Роберта Тафта в решении Святого престола признать анафору Аддая и Мари действительной евхаристической молитвой. Автор исследует аргументы за данное решение и против него. Главное препятствие к признанию этой анафоры было связано с представлением, что именно слова Господни «это Тело Мое» и «это Кровь Моя» являются «формой» таинства Евхаристии. Однако, как показал архим. Роберт Тафт, учение католической церкви не означает, что пресуществление хлеба и вина в Тело и Кровь Христа происходит именно в момент произношения слов установления. Более традиционно связывать пресуществление с тем, что Сам Христос произнес эти слова во время Тайной вечери и что в молитвах благодарения, эпиклесиса и приношения во время анафоры выражается вера в пресуществление евхаристических даров.

ключевые слова: литургия, Евхаристия, освящение, единство христиан, ассирийская церковь.

В 2001 г. папский совет по содействию христианскому единству опубликовал «Руководство по [взаимному]¹ допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока», в котором разрешил ассирийским христианам в случае пастырской необходимости причащаться на халдейской (католической) литургии, а халдейским католикам — на ассирийской [*Guidelines*, 4]. Это важное практическое решение было следствием ясно разработанной богословской позиции касательно анафоры Аддая и Мари. Необходимость во взаимном причащении возникает довольно часто, так как в наше время большинство христиан Ирака, Сирии и восточной Анатолии живет в рассеянии

1. Здесь и далее в квадратных скобках внутри цитат стоят слова, добавленные автором для лучшего понимания цитаты. — *Прим. ред.*

по всему миру, и они не всегда имеют возможность участвовать в литургии своей церкви [*Guidelines*, 1]. Конечно, халдейские католики могут без особого труда найти приход латинского обряда и там легитимно приступать к таинствам, но у членов ассирийской церкви такой возможности нет. Кроме того, верные обеих церквей переживают принадлежность к единой духовной семье и потому стремятся к духовному общению, к общению в таинствах. В 1994 г. Папа Иоанн Павел II и Патриарх Мар Динка IV подписали соглашение касательно христологии, так что вопрос о несторианстве уже не разделяет общины [*Guidelines*, 2]. Священство же и апостольское преемство ассирийской церкви всегда признавалось католической церковью [*Guidelines*, 3]. Несмотря на согласие по перечисленным вопросам, вопрос об анафоре долгое время оставался спорным. Следует отметить, что анафоры восточно-сирийской традиции, особенно анафора Аддая и Мари (т. е. одна из трех анафор, согласно уставам ассирийской церкви, употребляемая чаще остальных), давно привлекают интерес историков и литургистов. Данной теме посвятили свои исследования такие авторы, как Й. П. М. Ван дер Плуг [*Van der Ploeg*], А. Джелстон [*Gelston*, 48–55], В. Ф. Мэкомбер [*Macomber*] и Мар Джаммо [*Jammo*]. Особую роль в рассмотрении вопроса о «легитимности» анафоры Аддая и Мари сыграли труды иезуита, литургиста и архимандрита греко-католической церкви Роберта Тафта, повлиявшие на решение папского совета по содействию христианскому единству признать данную анафору настоящей евхаристической молитвой.

Проблема состоит в том, что в тех случаях, когда по уставу следует молиться словами анафоры Аддая и Мари, иереи ассирийской церкви, совершая литургию, читают текст, в котором отсутствует повествование об установлении Евхаристии. В связи с этим возник вопрос, можно ли считать настоящей евхаристической молитвой такую анафору, в которой нет прямой рецитации слов Господних. При обсуждении вопроса о том, могут ли ассирийцы причащаться на халдейской литургии, а католики — на ассирийской, данный вопрос стал ключевым. Вопрос тщательно изучался, уже в 1998 г. было составлено руководство для пастырской заботы о христианах-ассирийцах и халдеях. Затем вопрос о Евхаристии в ассирийской церкви был представлен двадцати шести богословам, чтобы они дали свое заключение. Архимандриту Роберту Тафту тогда говорили, что это слишком большая группа экспертов, но он писал, что «это было только разумно», так как

вопрос был весьма серьезным [Taft]. Формально Тафт был просто одним из этих двадцати шести специалистов, и данные о том, чьи именно заключения стали основой для принятия решения, на основании которого Святой престол признал ассирийскую Евхаристию подлинной, никогда не были обнародованы. Однако статья 2003 г. о. Роберта «Месса без освящения?» [Taft] показывает, что богословская позиция, представленная в краткой форме в декларациях папского совета, является по преимуществу позицией архим. Роберта Тафта. Он же и стал «лицом» принятого решения. Неудивительно, что консервативные круги, которые не согласны с данным решением, подвергают критике именно архим. Роберта Тафта [Santogrossi].

Чтобы понять позицию папского совета, а в первую очередь позицию архим. Роберта Тафта, развивающего и расширяющего ее, обратимся сначала к вопросу, какие аргументы можно выдвинуть против признания анафоры Аддая и Мари. По-видимому, самым авторитетным аргументом против позиции папского совета является тезис, прописанный в декрете Флорентийского собора о единстве с армянами: слова Господни «это — Тело Мое» и «это — Кровь Моя» являются «формой» таинства Евхаристии [DH, 1321; *Exultate Deo*, 81]. Таким образом, традиционная позиция будет выглядеть следующим образом: где действительно рукоположенный священник над настоящим хлебом и вином рецитирует (произносит) эти слова с намерением совершить таинство, там в этот же момент хлеб и вино пресуществляются в Тело и Кровь Христа; где чего-то из этого не хватает, там — пресуществления не происходит. Также Тридентский собор учит, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа «сразу же после освящения» (*statim post consecrationem*) [DH, 1640, 1642, 1654].

Такой подход к таинству связан с традицией узкого понимания слов блж. Августина: «Слово присоединяется к [материальному] элементу и [таким образом] совершается таинство» (*Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*)^{*1}. Архимандрит Роберт Тафт прослеживает данную линию, начиная со свт. Амвросия Медиоланского, который говорит, что освящение происходит через произнесение священником слов «Господа Иисуса» [De sacramentis IV, 4.14–17, 5.21–23. Col. 417–462]. Согласно Амвросию, слова Господни преображают хлеб и вино в Тело и Кровь Христа. Развивая эту мысль, св. Фома Аквинский говорит, что освящение материи в этом таинстве заключается в «чудесном преображении», завершаемом произнесением слов Господ-

*1 *In Ioannis Evangelium*.
LXXX.3

них священником ^{*1}. В дальнейшем же Папа Пий VII (1742–1823) осудил «то новое мнение... согласно которому форма [таинства Евхаристии] заключается не только в словах Господних», но для завершения таинства необходимо recитировать после них слова эпиклесиса [DH, 2718].

^{*1} *Sth III.*
Quaest. 78.
Art. 1, corp.

Не удивительно, что некоторые из самых консервативных католиков считают признание анафоры не шагом католической церкви навстречу ассирийской церкви (тем более что сама по себе эта конфессия весьма малочисленна), а скорее шагом к упразднению Евхаристии как приношения Тела и Крови Христа [Reversal]. Тем не менее папский совет по содействию христианскому единству пришел к решению признать анафору Аддая и Мари настоящей и действительной евхаристической молитвой.

Объясняя данное решение, архим. Роберт Тафт формулирует два положения, выходящие за рамки специального вопроса и, в его версии, имеющие значение для экуменических отношений в целом, в частности, когда речь идет о связи между экуменизмом и литургией. Первое положение — это «экуменическая исследовательская деятельность» (*ecumenical scholarship*). С точки зрения Тафта, данная деятельность должна быть основана, конечно же, на принципе исторической точности, но и, более конкретно, на шести особых принципах [Taft, 4], как то:

1. констатация, что те различия, которые существовали и допускались в первом тысячелетии, не разделяют церкви;
2. признание, что как западные, так и восточные православные традиции релевантны для веры Церкви;
3. приоритет общего учительства единой Церкви над особым, полемическим, более поздним;
4. ответственность тех, кто изменил или в одностороннем порядке сузил единое общепринятое понимание традиции неразделенной Церкви первого тысячелетия, за те церковные разделения, которые эти изменения повлекли за собой, и их обязанность искать приемлемые решения данных проблем;
5. необходимость учитывать всю полноту традиции каждой церкви, а не только ее самую современную или популярную версию;
6. интерпретация догматической формулировки строго в контексте той полемики, в которой она возникла (например, в случае Тридентского собора, полемики с протестантами), и отказ от ее генерализации.

Вторым важным положением является различие первичного (*theologia prima*) и вторичного богословия (*theologia secunda*).

Первичным является выражение веры в литургии, а вторичным — учение с необходимыми уточнениями. Тафт считает эти уточнения нужными, но возражает против введения их в более древнюю традицию [Taft, 7–8]. Поэтому можно сказать: если в тексте глубокой древности отсутствует то, что в более поздний период стали считать необходимым, это не значит, что текст не в полном объеме православный. Наоборот, следует считать: то, что всегда было верой Церкви и что в дальнейшем нашло свое выражение в определенных уточнениях, присутствует и здесь, однако, возможно, скорее имплицитно.

В контексте данных принципов Тафт предлагает рассматривать и евхаристию ассирийцев, в частности, когда она совершается с анафорой Аддая и Мари. У ассирийских христиан всегда и бесспорно было намерение служить подлинную евхаристию, т. е. присоединяться к тому, что Христос совершил на Тайной вечере. Католики раньше не сомневались в действительности ассирийской евхаристии. В частности, во время разных уний ассирийцев с католиками в течение XVI–XVIII вв. никто не требовал, чтобы ассирийские христиане включили в анафору повествование об установлении, даже если халдеи в дальнейшем и стали так поступать [Guidelines, 2].

Более того, у ассирийцев есть очевидный знак связи с Тайной вечерей — это практика так называемой священной закваски: они выпекают евхаристический хлеб из теста, в котором, согласно традиции, присутствуют следы теста для хлеба, бывшего в употреблении на Тайной вечере. Как подчеркивает папский совет, «это, конечно, следует воспринимать как зримый знак исторической и символической непрерывности между нынешним празднованием Евхаристии и установлением Евхаристии Иисусом» [Guidelines, 2]. Это подтверждают также слова анафоры. В ней просят Бога быть милостивым к Своему народу «в память о теле и крови Твоего Христа, которые мы приносим на чистом и священном алтаре, согласно поручению, полученному от Тебя самого» [Missel Chaldéen, 88]. Таким образом, текст содержит однозначное учение о реальном присутствии Христа и о евхаристическом жертвоприношении. Поэтому оправданно считать, что евхаристия ассирийцев, и в том числе анафора Аддая и Мари, пропитана верой в реальное присутствие Христа в таинстве благодаря Его же словам «это — Тело Мое» и «это — Кровь Моя», даже если они «рассеяны» по тексту анафоры [Guidelines, 2]. Поэтому декларация приходит к выводу, что ассирийская церковь, употребляя

«священную закваску», слова «приношение», «тело и кровь», находится внутри традиции Тайной вечери и совершает подлинную Евхаристию так же, как все католические, православные и коптские церкви [*Guidelines*, 3].

Рассмотрим аргумент, отсылающий нас к Флорентийскому собору: некоторые пункты его решения отображают не столько обязательное учение всей Церкви, но скорее защищают римскую традицию от упрека со стороны восточных церквей, что она не католическая. Например, в решениях Собора сказано, что материей, необходимым материальным знаком таинства священства является поручение инструментов, необходимых для каждого служения: чаши и патены (дискоса) с хлебом и вином для посвящения в пресвитеры, книги Евангелия — для диаконата и проч. [*DH*, 1326; *Exultate Deo*, 85], хотя известно, что католическая церковь всегда признавала священство в церквях, в которых такой обряд отсутствует [*Taft*, 10]; соответственно, Пий XII учит, что материей таинства священства является возложение рук [*DH*, 3859]. Соответственно, определение о том, что слова Господни являются формой таинства Евхаристии, скорее декларирует легитимность практики римской церкви признавать эти слова моментом пресуществления, нежели указывает, что это единственная возможная позиция [*Taft*, 10].

К тому же слова Тридентского собора о том, что хлеб и вино становятся Телом и Кровью Христа «сразу же после освящения», не настолько однозначны, как это может показаться. Ведь именно в этом и заключается вопрос, в какой момент происходит освящение, а на него Собор не отвечает. Поэтому архим. Роберт Тафт ссылается на целую римо-католическую традицию (Ф. Фульгенций, Г. Ломбард, Ж.-Б. Боссюэ), согласно которой освящение происходит благодаря не отдельным словам, а евхаристической молитве в целом [*Taft*, 9]. В частности, после слов Господних в Римском каноне священник recitiрует (повторяет) следующие молитвы:

Supra quæ propítio ac seréno vultu respícere
dignéris: et accépta habére, sicúti accépta
habére dignátus es múnera púeri tui justi
Abel, et sacrificium Patriárchæ nostri
Abrahæ: et quod tibi óbtulit summus sacérdos
tuus Melchisedech, sanctum sacrificium,
immaculátam hóstiam.

Милостиво и благосклонно возри на эти
приношения и прими их, как соблаговолил
Ты принять дары отрока Твоего праведно-
го Авеля, жертву праотца нашего Авраама
и принесение первосвященника Твоего
Мелхиседека, — святое возношение, жертву
непорочную.

Súpplīces te rogámus, omnípotens Deus: jube hæc perférri per manus sancti Angeli tui in sublíme altáre tuum, in conspéctu divínæ majestátis tuæ: ut, quotquot ex hac altáris participatióne sacrosánctum Filii tui Corpus, et Sánguinem sumpsérimus, omni benedictiόne coelésti et grátia repleámur. Per eúndem Christum, Dóminum nostrum. Amen [*Missale Romanum*, 334].

Смиренно молим Тебя, Боже всемогущий, да будет эта жертва вознесена руками святого Ангела Твоего на небесный алтарь Твой пред лицо Божественного Твоего величия, чтобы мы, всякий раз причащаясь от этого алтаря святейшего Тела и Крови Сына Твоего, исполнялись всякого небесного благословения и благодати. Через Христа Господа нашего. Аминь [*Римский миссал*, 645].

Судя по этим молитвенным текстам, после слов Господних дело освящения даров еще не совершено. Это показывает, что и в римской традиции не всегда было общепринятым мнение, закрепляющее пресуществление за определенным моментом.

Что же касается формулы *Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*, «Руководство по [взаимному] допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока» говорит: «Слова Евхаристического установления на самом деле присутствуют в анафоре Аддая и Мари не последовательным образом *ad litteram*, но скорее рассеянным евхологическим образом, т. е. интегрированными в молитвы благодарения, хвалы и просьбы» [*Guidelines*, 3].

Св. Амвросий Медиоланский, а также св. Фома Аквинский в своих работах указывают, что повествование о Тайной вечере и слова Господни необходимы для совершения таинства. У обоих речь идет о том, что именно Христос произнес их. Связь с этим событием — произнесением Христом слов установления — необходима, она и есть *forma sacramenti*, именно в силу этой связи совершается таинство, поскольку через слова, произнесенные Самим Христом, на престоле истинно присутствует Христос. Дело здесь именно в этой связи со Христом, а вовсе не в произнесении магической формулы [*Taft*, 12–14]. И эта живая связь может быть имплицитной — через непрерывную церковную традицию, через передачу священной закваски, через слова: «тело», «кровь», «приносим».

Наконец, разрыва с церковной традицией в ассирийской анафоре нет, так как церковь не признает те анафоры, которые отрицают веру в реальное присутствие Христа в таинстве Евхаристии или характер Евхаристии как жертвоприношения, и, наоборот, признает, что все это имплицитно присутствует в анафоре Аддая и Мари. Помимо того, церковь не разрешает впредь составлять евхаристические молитвы, которые бы игнорировали развитие

богословской мысли второго тысячелетия. Таким образом, признание анафоры Аддая и Мари не является новшеством в церкви, а, наоборот, признанием ее древнейших традиций.

Итак, статья архим. Роберта Тафта, опубликованная почти через два года после обнародования «Руководства по [взаимному] допущению к Евхаристии между Халдейской церковью и Ассирийской церковью Востока» папского совета по содействию христианскому единству, показывает, что на данный текст существенно повлияла богословская позиция архим. Роберта Тафта. Его подход можно обобщить следующим образом: принципиальное решение придерживаться исторической точности, экуменический подход к богословским вопросам и первенство *theologia prima*, т. е. непосредственного литургического опыта веры, над *theologia secunda* — богословской рефлексией данного опыта. На основе этих принципов папский совет по содействию христианскому единству пришел к решению — на наш взгляд справедливому — признать Евхаристию ассирийских христиан, которые совершают анафору Аддая и Мари, не произнося слов установления, т. е. без эксплицитного повествования об установлении таинства, подлинной Евхаристией.

Источники и литература

1. *Римский миссал* = Римский миссал католической церкви в России. М. : Изд-во Францисканцев, 2011. 1348 с.
2. *De sacramentis* = Ambrosius Mediolanensis. *De sacramentis libri sex*. IV, 4.14–17, 5.21–23 // PL 16. Col. 417–462.
3. *DH* = Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen = Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus fidei et morum / Hrsg. von P. Hünemann, H. Denzinger. 37. Aufl. Freiburg-Basel-Rom-Wien : Herder, 1991. xxxvii, 1706 S.
4. *Exultate Deo* = Булла Флорентийского собора *Exultate Deo* // Символ. 2019. № 71. С. 58–92.
5. *Gelston* = Gelston A. *The Eucharistic Prayer of Addai and Mari*. Oxford : Clarendon Press, 1992. 148 p.
6. *Guidelines* = Pontifical Council for Promoting Christian Unity : Guidelines for Admission to the Eucharist between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East. URL: http://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/chrstuni/documents/rc_pc_chrstuni_doc_20011025_chiesa-caldea-assira_en.html (дата обращения: 07.02.2019).

7. *In Ioannis Evangelium* = S. Aurelii Augustini Hipponensis Episcopi in Ioannis Evangelium tractatus CXXIV // PL 35. Col. 1379–1976.
8. *Jammo* = Jammo S. Y. H. The Anaphora of the Apostles Addai and Mari : A study of structure and historical background // *Orientalia Christiana Periodica*. 2002. V. 68. P. 5–35.
9. *Macomber* = Macomber W. F. A History of the Chaldean Mass // *Journal of Assyrian Academic Studies*. 1997. V. 11. N. 2. P. 70–81.
10. *Missel Chaldéen* = Missel Chaldéen : L'ordre des mystères avec les trois anaphores selon le rite de la sainte Église de l'orient. Champigny sur Marne : Service Concordia, 1982. 330 p.
11. *Missale Romanum* = Missale Romanum : Ex decreto SS. Concilii Tridentini Restitutum, Summorum Pontificum Cura Recognitum : Editio XXXI post typicam. Ratisbonae : Pustet, 1957. (56), 832, 52, 6, 228, 36, 4 p.
12. *Reversal* = Fraternity of Saint Pius X. Reversal of Sacramental Theology. URL: <http://fsspx.news/en/news-events/news/reversal-sacramental-theology-20630> (дата обращения: 07.02.2019).
13. *Santogrossi* = Santogrossi A. Declaration on the Anaphora of Addai and Mari : Not an act of the Supreme Magisterium. URL: <https://rorate-caeli.blogspot.com/2008/02/declaration-on-anaphora-of-addai-and.html> (дата обращения: 07.02.2019).
14. *Sth III* = Sancti Thomae Aquinatis Doctoris Angelici Ordinis Praedicatorum Summa Theologiae : Cura Fratrum eiusdem Ordinis : Tertia Pars. Matritii : Biblioteca de Autores Cristianos, 1952. 800 p.
15. *Taft* = Taft R. F. Mass Without the Consecration? The Historic Agreement on the Eucharist between the Catholic Church and the Assyrian Church of the East Promulgated 26 October 2001. URL: http://www.prexeucharistica.org/_pdf/AM/AM-05-Taft-Messa%20senza-en.pdf (дата обращения: 07.02.2019).
16. *Van der Ploeg* = Van der Ploeg J. P. M. The Old Eucharistic Liturgy of the “Church of the East” // *The Harp*. 1990. V. 3. N. 1–2. P. 87–110.

Сокращения

PL   Patrologia Latina

Priest Stephan Lipke

The Recognition of the Addai and Mari Anaphora by the Catholic Church in 2001: the Theological Contribution and the Main Arguments of Archimandrite Robert Taft

This essay examines R. F. Taft's role in the papal decision to recognize the Addai and Mari Anaphora a true eucharistic prayer, but even more so the pros and cons of this decision. The main obstacle was the position that exactly the Lord's words "This is my body" and "This is my blood" are the sacramental "form" of the Eucharist. Yet, R. F. Taft showed that the (Roman) Catholic teaching does not mean that the transformation of bread and wine into the body and blood of Christ takes place exactly when these words are pronounced. It is more in line with tradition to hold that the transformation of the eucharistic gifts takes place because Christ himself pronounced these words on Holy Thursday and because, during the anaphora, prayers of thanksgiving, epiclesis and offering express the faith that the gifts are really transformed into Christ present in the sacrament.

KEYWORDS: Liturgy, Eucharist, sanctification, Christian unity, Assyrian church.

In 2001, the Papal Council for Promoting Christian Unity published *Guidelines for Admission to the Eucharist between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East*, in which it allows — in cases of pastoral necessity — Assyrian Christians to partake in Eucharistic communion in Chaldean (Catholic) liturgies, and Chaldean Catholics to receive communion in Assyrian liturgies [*Guidelines*, 4]. This important practical decision was the result of a clearly developed theological position regarding the anaphora of Addai and Mari. The necessity for Eucharistic hospitality is quite a common occurrence, given that in our day and age most of the Christians from Iraq, Syria and Eastern Anatolia are scattered across the whole world, and are not always able to attend liturgies of their "native" churches [*Guidelines*, 1]. Chaldean Catholics, of course, can find Latin rite parishes without much trouble, and are able to partake legitimately of the sacraments there. The same is not true, however, for Assyrian Christians, who do not have the same possibility (as they are not in communion with Rome). Moreover, the faithful from both groups experience a mutu-

al belonging, as members of a single spiritual family, and therefore strive for spiritual and sacramental communion. In 1994, Pope John Paul II and Patriarch Mar Dinkha IV signed an agreement on Christology, in view of which the question of Nestorianism no longer divided the two communities [*Guidelines*, 2]. The Roman Catholic Church had always acknowledged the priesthood and apostolic succession of the Assyrian Church [*Guidelines*, 3]. Yet despite agreement on the above-mentioned questions, the question of the anaphora remained in dispute for quite some time. It should be noted that the anaphoras of the Eastern-Syrian Tradition, and especially the Anaphora of Addai and Mari (i.e., the most-often used of three anaphora prayers in the common usage of the Assyrian Church), have long been a subject of interest for historians and liturgists, and have occupied such authors as J. P. M. Van der Ploeg [*Van der Ploeg*], A. Gelston [*Gelston*, 48–55], V. F. Macomber [*Macomber*] and Mar Jammo [*Jammo*]. The works of Jesuit scholar and liturgist Archimandrite Robert Taft played a very particular role in influencing the Papal Council for Promoting Christian Unity to recognize the legitimacy of the Anaphora of Addai and Mari as an authentic Eucharistic prayer.

The primary problem consisted in the absence of the “words of institution” in the anaphora prayers when, according to the appointed usage, priests from the Assyrian Church use the Anaphora of Addai and Mari. This situation gave way to a discussion of whether a Eucharistic prayer can be considered “authentic” if it does not directly use a recitation of the Lord’s words. This, in turn, became the central question to answer in order to determine whether Assyrians could receive the Eucharist at Chaldean Catholic liturgies and vice versa. The question was thoroughly researched and, as early as 1998, pastoral guidelines for caring for Assyrian and Chaldean Christians were drawn up. At that point, the question of Eucharistic hospitality in the Assyrian Church was put to 26 different theologians, who were to draw conclusions and make recommendations. Many told Archimandrite Robert Taft that this was an extraordinarily large group of experts. He finds that “this was only reasonable”, given the seriousness of the question at hand [*Taft*]. Formally, Taft was just one of these 26 experts; whose recommendations, in particular, formed the basis upon which the Holy See recognized the Assyrian Eucharistic prayers as authentic, was not a question that was ever asked. However a 2003 article by Taft, “A Mass without the Consecration?” [*Taft*] shows that the theological position put in short form in the declaration of the Papal Council, is primarily the position of Archimandrite Robert Taft. He

also became the “face” of the decision that was taken. It is natural that conservative circles who disagree with the decision that was taken also criticize Archimandrite Robert Taft, in particular [*Santogrossi*].

In order to understand the decision of the Papal Council and, in the first instance, the position of Archimandrite Robert Taft who developed and broadened the Council’s decision, we will look firstly at the arguments against recognizing the Anaphora of Addai and Mari as an authentic Eucharistic prayer. It is apparent that the most authoritative argument against the position of the Papal Council is a thesis recorded in a decree of the Council of Florence on Unity with the Armenians. There it is written that the words of the Lord, “This is My body”, and “This is My blood” are the “form” of the sacrament of the Eucharist. [*DH, 1321; Exultate Deo, 81*]. As such, the traditional position looks like this: where a truly ordained priest pronounces these words over bread and wine with the intention of celebrating the mystery, there, at that moment, the bread and wine undergo transubstantiation into the body and blood of Christ. If something is missing from this picture, transubstantiation does not occur. Thus also, the Council of Trent teaches that the bread and wine become the body and blood of Christ “immediately after consecration” [*DH, 1640, 1642, 1654*].

This approach to the holy mysteries is the result of a narrow understanding of the words of St. Augustine, “The Word unites with the [material] element and [in this way] the mystery takes place” (*Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*) [*In Ioannis Evangelium tr. LXXX, 3*]. Archimandrite Robert Taft follows this line of thinking, beginning with St. Ambrose of Milan, who says that consecration happens through the priest’s pronouncement of the “Lord Jesus’s” words [*De sacramentis IV, 4.14–17, 5.21–23*]. According to Ambrose, the words of the Lord turn the bread and the wine into the body and blood of Christ. Developing this thought, St. Thomas Aquinas says that sanctification of material in this mystery consists in the “miraculous transfiguration” which takes place when the priest pronounces the words of the Lord [*Sth III, quaest. 78, art. 1, corp.*]. Later, Pope Pius VII (1742–1823) condemned “the new opinion...according to which the form [of the sacrament of the Eucharist] consists not only in the words of the Lord,” but also necessitates the pronouncement of the Epiclesis, thereafter [*DH, 2718*].

Therefore it is natural that some of the most conservative Catholic theologians consider the recognition of the Anaphora [of Addai and Mari] by the Catholic Church to be not a step in the direction of the Assyrian Church (especially as there are very few Assyrian Christians),

but rather a step toward the abolition of the Eucharist as an offering of the true body and blood of Christ [*Reversal*]. Nevertheless, the Papal Council for Promoting Christian Unity came to the decision to recognize the Anaphora of Addai and Mari as a true and effective Eucharistic prayer.

In explaining this decision, Archimandrite Robert Taft introduces two understandings which move beyond the boundaries of this specific question and which, according to his understanding, have significance for ecumenical relations as a whole, and in particular when we speak of ecumenism and liturgy. The first understanding is ecumenical scholarship. Taft believes that ecumenical scholarship must, of course, be based in historical accuracy and, more specifically, upon six particular principles [*Taft, 4*]:

1. The affirmation that those differences which were allowed and did not divide the church in its first thousand years, should not divide the church today;
2. The recognition that both the western and eastern orthodox traditions are relevant for the faith of the Church;
3. The priority of the general teaching of the united Church over particular, polemical and later teachings;
4. The responsibility of those who changed, or in a one-sided manner narrowed the generally accepted tradition of the undivided Church of the first millennium, for the divisions in the church to which these changes led, and their obligation to search for acceptable answers to these problems;
5. The need to consider the fullness of the tradition of every church and not only the most recent or popular version of its tradition;
6. The interpretation of strict dogmatic formulae within the context of the polemic out of which they arose (for instance, in the case of the Council of Trent, the polemic with the Protestants), and a refusal to generalize such strict dogmatic formulae.

The second important understanding is the distinction between primary theology (*theologia prima*) and secondary theology (*theologia secunda*). Primary theology is the expression of faith in liturgy, and secondary theology is teaching with its necessary refinements. Taft believes that these refinements are necessary, but is against introducing them into the more ancient tradition [*Taft, 7–8*]. For this reason, it is possible to say that if an ancient text lacks some element which later came to be seen as necessary, this does not mean that the ancient text is not fully orthodox. On the contrary, we should believe that which was always the faith of the Church and which later found its expres-

sion in particular refinements is also found in the ancient text, though possibly in an implicit fashion.

Taft proposes that the Assyrian Eucharist, and the Anaphora of Addai and Mari in particular, be considered within the context of these principles. It is indisputable that Assyrian Christians always had the intention of celebrating the Eucharist in an authentic fashion, which is to say in a fashion that united them to what Christ did at the Last Supper. Formerly, Catholics did not doubt the efficacy of the Assyrian Eucharist. In particular, at the time of various unions between Assyrians and Catholics between the XVI and XVIII centuries, no one demanded that Assyrian Christians include the words of institution in their anaphora prayers, even if Chaldeans later began to pronounce them [*Guidelines*, 2].

Moreover, the Assyrians have an obvious sign which links their Eucharist to the Last Supper; this is their practice of preparing the dough for the Eucharistic bread from so-called “holy leaven”, which according to tradition contains traces of the dough used for the bread consumed at the Last Supper. As the Papal Council emphasizes, this “is certainly to be seen as a visible sign of historic and symbolic continuity between the present Eucharistic celebration and the institution of the Eucharist by Jesus” [*Guidelines*, 2]. This, too, is confirmed by the words of the anaphora itself, in which they ask God to be merciful to His people, “in the commemoration of the body and blood of thy Christ, which we offer to thee upon the pure and holy altar, as thou hast taught us” [*Missel Chaldéen*, 88]. In view of this, it may be said that the text contains, without question, teaching on the real presence of Christ in the Eucharistic gifts. Therefore we may be justified in saying that the Eucharist of the Assyrians, including the anaphora of Addai and Mari, is imbued with faith in the real presence of Christ in the mysteries, thanks to His own words “This is My body” and “This is My blood”, even if they are spread throughout the text of the Anaphora [*Guidelines*, 2]. For this reason, the declaration comes to the conclusion that the Assyrian Church, in using the “holy leaven”, and the words “offering” and “body and blood”, is within the tradition of the Last Supper and celebrates an authentic Eucharist, just as in the [Roman] Catholic, [Eastern] Orthodox and Coptic Churches [*Guidelines*, 3].

Considering the argument from the Council of Florence: in several of its points of decision, it reflects not so much a mandate for obligatory teaching throughout the whole church as an attempt to defend Roman tradition from possible criticisms of heterodoxy from the perspective of the Eastern churches. For instance, in the Council’s decisions it is

stated that the instruments necessary to every service, i. e. the chalice and paten (discos) with the bread and wine for priestly ordination, the Gospel book, for the deacons, etc., are the matter and necessary outward sign of holy orders [*DH*, 1326; *Exultate Deo*, 85], although it is well-known that the Catholic Church had always acknowledged the ordinations in churches where this ritual is absent [*Taft*, 10]. Consequently, Pius XII teaches that the matter of the sacramental mystery of priesthood is the laying on of hands [*DH*, 3859]. Accordingly, the definition of the words of the Lord as the “form” of the sacramental mystery of the Eucharist is more likely a declaration of the legitimacy of the practice of the Roman church of recognizing the moment of pronouncement of these words as the moment of transubstantiation, rather than a declaration of the only allowable viewpoint [*Taft*, 10].

Furthermore, the Council of Trent’s teaching that the bread and wine become the body and blood “immediately after consecration” is not quite as clear-cut as it may first seem. Within itself, this statement contains the question of when exactly consecration occurs, and the Council doesn’t answer this question. Therefore, Archimandrite Robert Taft invokes the entirety of Roman Catholic tradition (Fulgentius of Ruspe, G. Lombard, J. B. Bossuet), according to which consecration takes place not as the result of particular words, but arises out of the Eucharistic prayer as a whole [*Taft*, 9]. In particular, after the words of the Lord in the Roman canon, the priest recites the following prayers:

Supra quæ propítio ac seréno vultu respícere dignéris: et accépta habére, sicúti accépta habére dignátus es múnera púeri tui iusti Abel, et sacrificium Patriárchæ nostri Abrahæ: et quod tibi óbtulit summus sacérdos tuus Melchisedech, sanctum sacrificium, immaculátam hóstiam.

Upon which do thou vouchsafe to look with a propitious and serene countenance, and to accept them, as thou wert graciously pleased to accept the gifts of thy just servant Abel, and the sacrifice of our patriarch Abraham, and that which thy high priest Melchisedech offered to thee, a holy sacrifice, a spotless victim.

Súpplices te rogámus, omnípotens Deus: jube hæc perférri per manus sancti Angeli tui in sublíme altáre tuum, in conspéctu divínæ majestátis tuæ: ut, quotquot ex hac altáris participatióne sacrosánctum Fílii tui Corpus, et Sánguinem sumpsérimus, omni benedictiόne coelésti et grátia repleámur. Per eúndem Christum, Dóminum nostrum. Amen [*Missale Romanum*, 334].

We most humbly beseech thee, almighty God, to command that these things be borne by the hands of thy holy angel to thine altar on high, in the sight of thy divine majesty, that as many of us as, at this altar, shall partake of and receive the most holy Body and Blood of thy Son, may be filled with every heavenly blessing and grace. Through the same Christ our Lord. Amen.

Judging by the prayers in these texts, after the words of the Lord the consecration of the gifts is not yet complete. This shows that even within the Roman tradition there has not always been a single and unified opinion which fixes transubstantiation at a particular moment.

As regards the formula *Accedit verbum ad elementum et fit sacramentum*, the *Guidelines for Admission to the Eucharist Between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East* states that, “the words of Eucharistic Institution are indeed present in the Anaphora of Addai and Mari, not in a coherent narrative way and *ad litteram*, but rather in a dispersed euchological way, that is, integrated in successive prayers of thanksgiving, praise and intercession” [*Guidelines*, 3].

St. Ambrose of Milan and even St. Thomas Aquinas show in their works that a recounting of the Last Supper and the words of the Lord are required for the sacrament, yet both are speaking about the fact that Christ pronounced these words. What matters is a link to this event — the pronouncement of the words of institution. This is what the *forma sacramenti* is about. It is precisely due to this link that the sacrament takes place, given that through the link with these words that were pronounced by Christ himself, the Lord is present upon the altar. But the important thing here is the link with Christ, and not at all the pronouncement of a magical formula [*Taft*, 12–14]. And this link can be implicit, through unbroken church tradition, passed through the holy leaven and through the words “body”, “blood”, and “we offer”.

Finally, there is no break with church tradition in the Assyrian anaphora, insofar as the Church does not recognize those anaphora prayers which contradict faith in the real presence of Christ in the sacrament of the Eucharist or the character of the Eucharist as an offering, but on the contrary recognizes that all this is implicitly present in the Anaphora of Addai and Mari. Moreover, the Church does not henceforth allow the composition of Eucharistic prayers which ignore the theological developments of the second millennium. In this regard, the Anaphora of Addai and Mar is not an innovation, but rather the recognition of an ancient tradition.

Thus, Archimandrite Robert Taft’s article, which was published nearly two years after the Papal Council for the Promotion of Christian Unity’s *Guidelines for Admission to the Eucharist Between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East*, shows that Taft’s position significantly influenced the text of the *Guidelines*. We might summarize his approach by saying that the principle decision taken and reflected in the *Guidelines* remains true to historical accuracy, his ecumenical approach to theological questions and shows a priority

for *theologia prima*, i. e. for direct liturgical experience over *theologia secunda*, which is theological reflection on liturgical experience. On the basis of these principles, the Papal Council for the Promotion of Christian Unity came to the decision — justifiably in our view — that Eucharistic liturgies which are celebrated using the Anaphora of Addai and Mari are true and authentic, despite the absence of an explicit pronouncement of the words of institution.

References

- I. *De sacramentis* = Ambrosius Mediolanensis (1845). “De sacramentis libri sex”, in *PL*, v. 16, col. 417–462.
2. *DH* = Hünemann P., Denzinger H. (1991). *Kompendium der Glaubensbekenntnisse und kirchlichen Lehrentscheidungen = Enchiridion symbolorum definitionum et declarationum de rebus fidei et morum*. 37. Aufl. Freiburg-Basel-Rom-Wien : Herder.
3. *Exultate Deo* = “Bulla Concilii Florentini Exultate Deo”. *Simvol*, 2019, n. 71, pp. 58–92.
4. *Gelston* = Gelston A. (1992). *The Eucharistic Prayer of Addai and Mari*. Oxford : Clarendon Press.
5. *Guidelines* = Pontifical Council for Promoting Christian Unity. *Guidelines for Admission to the Eucharist between the Chaldean Church and the Assyrian Church of the East*, available at: http://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/chrstuni/documents/rc_pc_chrstuni_doc_20011025_chiesa-caldea-assira_en.html (02.02.2019).
6. *In Ioannis Evangelium* = S. Aurelii Augustini (1841). “Hipponensis Episcopi in Ioannis Evangelium tractatus CXXIV” in *PL*, v. 35, col. 1379–1976.
7. *Jammo* = Jammo S. Y. H. (2002). “The Anaphora of the Apostles Addai and Mari : A study of structure and historical background”. *Orientalia Christiana Periodica*, 2002, v. 68, pp. 5–35.
8. *Macomber* = Macomber W. F. (1997). “A History of the Chaldean Mass”, *Journal of Assyrian Academic Studies*, 1997, v. 11, n. 2, pp. 70–81.
9. *Missel Chaldéen* = *Missel Chaldéen : L'ordre des mystères avec les trois anaphores selon le rite de la sainte Église de l'orient*. Champigny sur Marne : Service Concordia, 1982.
10. *Missale Romanum* = *Missale Romanum : Ex decreto SS. Concilii Tridentini Restitutum, Summorum Pontificum Cura Recognitum : Editio XXXI post typicam*. Ratisbonae : Pustet, 1957.
11. *Reversal* = *Fraternity of Saint Pius X. Reversal of Sacramental Theology*, available at: <http://fsspx.news/en/news-events/news/reversal-sacramental-theology-20630> (07.02.2019).

12. *Rimskij missal* = *Rimskij missal katolicheskoj tserkvi v Rossii* [Roman Missal of the Catholic Church in Russia]. Moscow : Franciscan publ., 2011.
13. *Santogrossi* = Santogrossi A. *Declaration on the Anaphora of Addai and Mari : Not an act of the Supreme Magisterium*, available at: <https://rorate-caeli.blogspot.com/2008/02/declaration-on-anaphora-of-addai-and.html> (07.02.2019).
14. *Sth III* = Sancti Thomae Aquinatis (1952). *Doctoris Angelici Ordinis Praedicatorum Summa Theologiae : Cura Fratrum eiusdem Ordinis : Tertia Pars*. Matritii : Biblioteca de Autores Cristianos.
15. *Taft* = Taft R. F. *Mass Without the Consecration? The Historic Agreement on the Eucharist between the Catholic Church and the Assyrian Church of the East Promulgated 26 October 2001*, available at: http://www.prexeucharistica.org/_pdf/AM/AM-05-Taft-Messa%20senza-en.pdf (07.02.2019).
16. *Van der Ploeg* = Van der Ploeg J. P. M. (1990). "The Old Eucharistic Liturgy of the 'Church of the East' ". *The Harp*, 1990, v. 3, n. 1–2, pp. 87–110.

Abbreviations

PL   Patrologia Latina